

Нехорошая болезнь

Диагностика и лечение канцелярита в переводе

Д.М. Бузаджи

Многим переводчикам и другим людям, так или иначе занимающимся литературным или околотитулярным трудом, знакомо слово «канцелярит». Этот удачный, меткий неологизм ввел в начале 1960-х годов К.И. Чуковский — сперва, судя по всему, в одной из статей, а потом и в ставшей классикой книге «Живой как жизнь». Нередко переводчиков (особенно начинающих) попрекают этим словом за тяжеловесные обороты, сухую, бюрократическую лексику, штампы. И вроде бы всем все понятно: канцелярит — это канцелярский язык, переводить им плохо, поэтому надо от него отучаться. Но, на наш взгляд, это явление стоит рассмотреть внимательнее и, в частности, ответить на два вопроса: 1) что именно представляет собой канцелярит с лингвистической точки зрения? и 2) почему этот порок так распространен в недостаточно профессионально выполненных переводах?

Особенно интересен второй вопрос. Почему недоучившегося переводчика так тянет излагать иностранный текст именно бюрократическим языком (а не, к примеру, слишком разговорным или даже жаргонным)? Причем, судя по всему, эта тенденция характерна для переводов с самых разных языков, а значит, дело вряд ли в особенностях системы конкретного исходного языка (ИЯ) по сравнению с переводящим (ПЯ).

Определение понятия и актуальность

Ответить на первый вопрос относительно нетрудно. Правда, сам К.И. Чуковский в «Живом как жизнь» делал упор не столько на лингвистические особенности этого явления, сколько на, скажем так, культурно-психологические, например:

Уводя нашу мысль от реальностей жизни, затуманивая ее мутными фразами, этот жаргон был по самому своему существу аморален. Жульнический, бесчестный жаргон. Потому что вся его лексика, весь его синтаксический строй представляли собою, так сказать, дымовую завесу, отлично приспособленную для сокрытия истины¹.

Гораздо определеннее и терминологичнее высказывается о лингвистической природе этого явления Нора Галь — еще один автор, мнение которого о канцелярите цитируют очень часто. Приведем довольно пространную выдержку из ее знаменитой работы «Слово живое и мертвое»:

Так что же он такое, канцелярит? У него есть очень точные приметы, общие и для переводной и для отечественной литературы.

Это — вытеснение глагола, то есть движения, действия, причастием, деепричастием, существительным (особенно отглагольным!), а значит — застойность, непо-

¹ Чуковский К.И. Живой как жизнь: О русском языке // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 4: Живой как жизнь: О русском языке; О Чехове; Илья Репин; Приложение. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2001. — С. 119.

движность. И из всех глагольных форм пристрастие к инфинитиву.

Это – нагромождение существительных в косвенных падежах, чаще всего длинные цепи существительных в одном и том же падеже – родительном, так что уже нельзя понять, что к чему относится и о чем идет речь.

Это – обилие иностранных слов там, где их вполне можно заменить словами русскими.

Это – вытеснение активных оборотов пассивными, почти всегда более тяжелыми, громоздкими.

Это – тяжелый, путаный строй фразы, невразумительность. Несчетные придаточные предложения, вдвойне тяжеловесные и неестественные в разговорной речи.

Это – серость, однообразие, стертость, штамп. Убогий, скудный словарь: и автор и герои говорят одним и тем же сухим, казенным языком. Всегда, без всякой причины и нужды, предпочитают длинное слово – короткому, официальное или книжное – разговорному, сложное – простому, штамп – живому образу. Короче говоря, канцелярит – это мертвечина².

Также полезно в этом контексте уместно определение родственного понятия «канцеляризм» из «Лингвистического энциклопедического словаря»:

Канцеляризмы – слова, устойчивые словосочетания, грамматические формы и конструкции, употребление которых в литературном языке закреплено традицией за официально-деловым стилем, особенно за канцелярско-деловым подстилем. Примеры К.: «уведомление», «надлежит»; «оказывать помощь» (вместо «помогать»), «настоящим доводится до вашего сведения»; «согласно чего» с род. падежом вместо общелит. дательного; многокомпонентные именные конструкции с род. падежом типа «взыскание с работника имущества и ущерба» и т.п.

В отличие от традиционного употребления при неуместном применении вне рамок офиц.-делового стиля стилистич. окраска К. может вступать в конфликт с его окруже-

нием; такое употребление принято рассматривать как нарушение стилистич. норм или как средство характеристики персонажа в худож. лит.-ре, как сознат. стилистич. прием³.

Исходя из всего этого, думается, логично будет дать канцеляриту следующее рабочее определение: стилистически неуместное использование средств официально-делового стиля в текстах иных стилей.

В процессе преподавания перевода с проявлениями канцелярита приходится сталкиваться постоянно. В студенческих переводах нередко фразы вроде:

- Может быть, политикам, которых так возмущают **негативные эффекты** от жестоких видеоигр...
- Так может быть политикам, которые **дискутируют на тему дурного влияния жестоких компьютерных игр...**
- ...я думаю, **что проблемой критиков является то, что они не могут как следует разобраться в проблеме.**
- ...их появление разрушило искусство назначения встречи и соблюдение договоренности, а прерывание разговора, чтобы ответить на звонок, стало **современным аналогом заглядывания через плечи людей** на коктейльных вечеринках.

Здесь наблюдаем такие типично употребляемые проявления канцелярита, как официальная и иностранная лексика, вытеснение глаголов существительными, нанизывание именных форм, бедность лексики и т.д. Даже при переводе текстов, предельно далеких от официально-деловой сферы, студенты нет-нет да и вставят бюрократический оборот. Вот как перевела одна студентка фрагмент детской сказки (причем это прямая речь, да еще и простого, малограмотного персонажа):

² Галь Нора. Слово живое и мертвое: от «Маленького принца» до «Корабля дураков». – М.: Междунар. отношения, 2001. – С. 28–29.

³ Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

Теоретические основы

She says she can't concentrate on her Silverlake Fairy School entrance test with you or anybody else there. From today, during the Princess's lessons, the library is out of bounds to everyone.

Принцесса **утверждает**, что не может готовиться к вступительному экзамену в Школу для фей на Серебряном озере, когда **ты или вообще кто-нибудь присутствует** на ее занятиях. Так что с сегодняшнего дня во время занятий принцессы **кому бы то ни было** строго-настрого запрещено входить в библиотеку.

После обсуждения неудачных мест в этом отрывке студентка предложила отредактированный вариант, который звучал так: «Но наша принцесса заявила, что может готовиться к вступительному экзамену в Серебряноозерную школу, только когда ее никто не отвлекает. Так что с сегодняшнего дня во время занятий принцессы в библиотеку вход заказан».

Любопытно при этом, что, на взгляд некоторых исследователей, проблема канцелярита сегодня уже не стоит так остро и чуть ли не ушла в прошлое вместе с Советским Союзом. Так, В.Г. Костомаров пишет, характеризуя языковую ситуацию середины 90-х годов:

Показательно, что в нынешних оценках речи не упоминается «канцелярит», в котором К.И. Чуковский видел главный порок современной ему речи... Современному языковому вкусу не свойственна номинализация, являвшаяся характернейшей и многими решительно осуждавшейся чертой научных сочинений и публицистики, официально-деловой и даже бытовой речи⁴.

И далее:

Одновременно теряют свою актуальность такие явления, как номинализация... бессубъектные обороты... и разного рода пассивные образования... приверженность к несовершенному виду глагола... избыточное употребление причастий. Иными словами, перестали быть сегодняшними приме-

тами те явления, которые единогласно признавались наиболее яркими характеристиками языка предшествующей эпохи⁵.

Того же мнения придерживаются авторы изданного позднее «Стилистического энциклопедического словаря русского языка» (статья «Канцеляризм»):

Наибольшего распространения канцелярит достиг в нашей стране в годы застоя, когда в сфере политического, социального, культурного, науч. и даже бытового общения в ходу была заштампованная речь ритуального характера, наполненная словами-пустышками типа *вопрос, дело, задача, проблема, факт* и т.п. <...>

Одним из лингвистических завоеваний перестройки стал отказ от речи ритуальной в пользу живых, стилистически нормальных текстов, к сожалению, далеко не всегда грамотных.

Сегодня К. как спутники командно-бюрократической системы, как наследие предшествующей эпохи сдают свои позиции в публичных выступлениях, в текстах СМИ, во многом из-за общей «боязни громких слов», благодаря отказу от подчеркнута книжных конструкций, в частности от глагольно-именных оборотов, служивших неотъемлемой принадлежностью оф.-дел., науч. и вообще официального языка⁶.

Все это звучит несколько странно, если вспомнить, какую речь мы на самом деле слышим и читаем в СМИ, будь то цитаты интервьюируемых или комментарии журналистов. Зачастую самые обычные люди, рассказывающие о весьма волнующих их событиях, переходят на канцелярский язык, стоит только оператору навести на них камеру (т.е. создать антураж «официальной ситуации»). Такими, к примеру, словами описывает автоаварию в репортаже программы «Вести-Москва» пострадавшая в ней пассажирка:

Мы ехали на разрешенный, зеленый сигнал светофора, и в момент, когда мы

⁵ Там же. С. 261.

⁶ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 696 с.

⁴ Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — СПб.: «Златоуст», 1999. — С. 75.

пересекли перекресток с Большой Полянкой, произошел сильный боковой удар в водительскую дверь.

Хотя, казалось бы, почему не сказать, например, так: «Мы ехали на зеленый. Только проехали перекресток с Большой Полянкой – в водительскую дверь резкий удар»?

Если же говорить о речи чиновников, то вот выдержки из вступительного слова В.В. Путина (а он считается далеко не самым скучным оратором) на совещании по развитию транспортной инфраструктуры Москвы и Московской области:

Укрепление инфраструктуры транспортной системы Москвы и Московской области стало важнейшим приоритетом и столичного, и областного правительства, да и федеральных властей. <...>

Но мы знаем, что основным критерием в вопросах подобного рода является социальное самочувствие граждан, и здесь еще далеко до благополучия, мы с вами это все очень хорошо знаем. Основная задача, на которую прошу обратить внимание, – это эффективная интеграция различных видов транспорта: дальнейшее развитие сети автодорог и повышение их пропускной способности, в том числе строительство новых путей, причем на самых сложных участках. <...>

Чтобы разгрузить МКАД, перенаправить эти потоки в обход Москвы, был предложен проект центральной кольцевой дороги. К 2018 году центральное кольцо должно стать современной, удобной транспортной магистралью, важным участком межрегионального сообщения и международных транспортных «коридоров», востребованным как для участников экономической деятельности, так и для граждан.

Несмотря на попытки внести некоторое оживление («мы с вами это все очень хорошо знаем»), речь в целом бюрократическая. Почти полное вытеснение активных глаголов (сплошные «стать», «являться» и т.п.), огромное количество существительных, причастных оборотов и придаточных предло-

жений, три родительных падежа подряд в первом предложении, пассивные конструкции, абстрактные бюрократические ребусы вроде «социального самочувствия граждан» и многое другое. Кстати, если говорить о статике канцелярита и эффекте, который она производит, уместно будет процитировать мнение А.М. Пешковского, который описывает различие между простым глагольным и составным именным сказуемыми:

Как человек, летящий на аэроплане с помощью посторонней силы, вложенной в его машину, не превращается в птицу, а остается тем же тяжелым, неспособным к полету человеком, так и прилагательное, подкрепленное глагольной силой слова *был*, остается тем же прилагательным, с тем же значением постоянства и неподвижности. Правда, человек вместе с аэропланом летит подобно птице; правда, прилагательное вместе с глагольной связкой играет в предложении роль сказуемого подобно настоящему глаголу. Но как полет человека на аэроплане отличается и всегда будет отличаться от полета птицы, так и предикативная функция прилагательного с глагольной связкой отличается от функции настоящего глагола. То же, и в еще большей степени, относится и к сочетаниям «существительное со связкой», «наречие со связкой»... Соответственно значение подлежащего в этих предложениях уже осторожнее будет определить более обще, чем мы это делали раньше. Это не «действующий предмет», а «предмет, которому приписывается признак, выраженный в сказуемом»⁷.

На наш взгляд, мнение о том, что проблема канцелярита утратила актуальность, продиктовано отчасти следующими причинами. Во-первых, книга В.Г. Костомарова была написана в 90-е годы, когда в языке СМИ действительно произошел переворот. Рассчитанные на массового читателя и слушателя тексты вдруг запестрели разговорной и просторечной лексикой, жаргонизмами, диалекти-

⁷ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 221–222.

мами, вулгаризмами, экспрессивными средствами всех мыслимых видов. Неудивительно, что в свете таких перемен канцелярит перестал казаться чем-то заслуживающим внимания.

Во-вторых, общественная и политическая ситуация с 90-х годов сильно изменилась. Не исключено, что эпоха реакции, которую мы сейчас переживаем, сказалась и на языке (по крайней мере, чиновников) – произошел откат к некоторым стилистическим предпочтениям советской эпохи.

В-третьих, нас интересует проблема канцелярита в переводах, а не в оригинальных текстах. Одно дело, когда человек самовыражается, другое – когда пытается породить вторичный текст по неким правилам, написать, условно говоря, не как в голову взбрело, а «как надо». Не исключено, что ситуация перевода в чем-то сродни ситуации официального общения (в госучреждении, под объективом камеры и т.п.), а значит, начинающий переводчик может испытывать соблазн каждый раз вместо «ударил в бок» писать «произошел боковой удар».

Косвенно подтверждает нашу точку зрения и статистика «Национального корпуса русского языка» (ruscorpora.ru). Вообще, на наш взгляд, статистические инструменты у этого корпуса по сравнению с некоторыми иностранными аналогами довольно бедны. Однако бесспорный плюс НКРЯ – возможность построить график относительной частотности (т.е. количество на миллион словоупотреблений) искомого явления по годам (с конца XVIII в. по начало XXI в.). Мы построили такие графики для некоторых явлений, традиционно ассоциирующихся с канцеляритом, и получили любопытную картину. Ниже мы приводим четыре такие диаграммы.

На рис. 1 отображена частотность существительных и местоимений-существительных, на рис. 2 – глаголов в лич-

Рис. 1

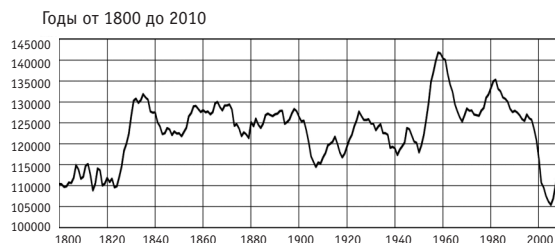

Рис. 2

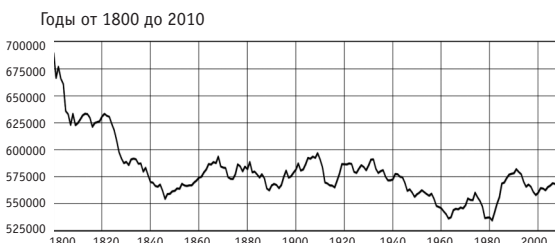

Рис. 3

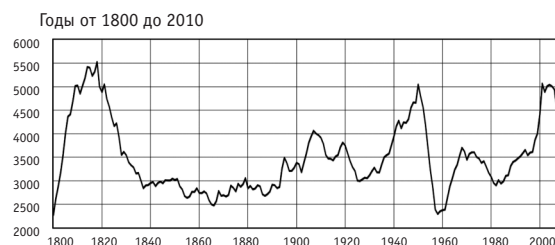

Рис. 4

ных формах, на рис. 3 – глаголов в безличных формах (инфинитив, причастие и деепричастие), а на рис. 4 – цепочек из трех подряд существительных или местоимений-существительных в родительном падеже. Как известно, одним из главных признаков канцелярита считается статика, отсутствие действия, выражающаяся в вытеснении личных форм гла-

гола безличными формами и именными частями речи. Ну а нанизывание родительных падежей — одна из характернейших более частных черт.

Как видим, относительная частотность явлений, свойственных канцеляриту, в районе 2000 г. и/или после него идет на повышение (а на *рис. 2*, соответственно, на снижение). Причем на всех графиках заметна еще одна любопытная тенденция: «снижение канцелярита» в районе 1960-го и 1980-го годов (если верить графикам, в те годы «уровень канцелярита» был заметно ниже сегодняшнего). Конечно, многое зависит от подбора текстов для корпуса, и мы не считаем эти графики бесспорным доказательством нашей правоты. Однако они как минимум подкрепляют мысль о том, что категорически причислять канцелярит к проблемам, отошедшим в прошлое, безосновательно.

Причины

На наш взгляд, интереснее всего сейчас было бы задаться вопросом, в чем причина канцелярита. Почему при таком единодушном его порицании и осмеянии люди вообще и переводчики в частности иногда не могут без него обойтись? Мэтры отечественного перевода выдвигали причины культурно-психологического порядка:

Как бы ни были различны эти люди, их объединяет одно: все они считают правилом хорошего тона возможно чаще вводить в свою речь (даже во время разговора друг с другом) слова и обороты канцелярских бумаг, циркуляров, реляций, протоколов, докладов, донесений и рапортов⁸.

Сплошь и рядом встречаются люди, считающие канцелярскую лексику принадлежностью подлинно литературного, подлинно научного стиля.

Ученый, пишущий ясным, простым языком, кажется им плоховатым ученым. И писатель, гнушающийся официальными тра-

фаретами речи, представляется им плоховатым писателем⁹.

А чем больше длинных, казенных слов, косвенных падежей, придаточных предложений, тем, видите ли, солиднее...¹⁰

Иные авторы глаголом буквально брезгуют: слишком-де прост, несолиден. Заменяют его не только длинными цепями существительных в косвенных падежах, но и гирляндами причастий и деепричастий — так выходит официальнее и потому внушительнее на взгляд литератора, который словечка в простоте не скажет¹¹.

Итак, по мнению исследователей, одна из причин канцелярита — желание горящего или пишущего выразиться «престижнее», а «престиж» ассоциируется не с простотой, живостью и удобопонятностью, а с языком официальных бумаг и учреждений. Мы вполне разделяем эту точку зрения, но думаем, что в переводе действуют и другие причины.

Так, часто канцелярит связывают с буквализмом, т.е. с тем, что переводчик отображает в переводе коммуникативно нерелевантные черты текста оригинала. Понять, почему начинающие (и не только начинающие) переводчики страдают буквализмом, нетрудно, и на этом останавливаться мы не будем. Если рассматривать перевод в паре английского и русского языков, то действительно сохранение некоторых особенностей строя ИЯ даст в переводе канцелярский оттенок. Упомянем лишь некоторые примеры.

В одной из прошлых статей¹² мы упоминали о подлежащих с обстоятельственным значением (ПОЗ), преимущественно со значением причины, весьма частотных в английском языке в силу его аналитического строя и фиксированного порядка слов. При бездумном копировании синтаксической структуры

⁹ Там же. С. 113.

¹⁰ Нора Галь. Указ соч. С. 24.

¹¹ Там же. С. 34.

¹² Бузаджи Д.М. Структуры и связи. Еще раз о роли синтаксиса в переводе // Мосты 2(18)/2008. — М.: Р.Валент, 2008. — С. 21–31.

⁸ Чуковский К.И. Указ соч. С. 110.

таких предложений русский текст пестрит фразами вроде: «Эти факторы привели...», «Новые исследования показали...», «Развитие торговли означало...», «Улучшение условий дало возможность...» и т.п.

В одном из учебных текстов есть фраза (речь идет о программе «Пауэр Пойнт»): “Tuftte argued that the **program encourages** “faux-analytical” **thinking that favors** the slickly produced “sales pitch” over the sober exchange of information”. Разумеется, абсолютное большинство студентов сначала пытаются перевести ее используя обороты вроде: «Программа поощряет... мышление, которое предпочитает...». И только после долгих обсуждений рождается идея, что программа вовсе не агент, который что-то может поощрять, а причина. А значит, предложение вполне может начинаться словами: «По мнению Тафти, из-за этой программы у людей развивается... мышление...».

К чертам английского языка, создающим при буквальном переводе на русский канцелярский эффект, можно отнести и высокую частотность подчинительных связей, и обилие местоимений (некоторые из которых в аналитическом языке просто невозможно опустить, не создав неясность), и терпимость к повторам, и ослабление роли глагола (вытеснение простого глагольного сказуемого)¹³.

Что же касается переводов с русского языка на английский, то канцелярский оттенок возникает при попытке

¹³ «Нередко высказывается мнение об ослаблении английского финитного глагола как количественном или грамматическом, так и качественном, семантическом. Ослабление финитного глагола, отражающееся в предпочтительном употреблении отглагольных существительных и неличных форм глагола, отмечается в английском языке довольно давно и часто расценивается как следствие номинализации английского предложения <...> При этом имя, включая неличные формы глагола, играет важную роль в выражении глагольной идеи» (Николаевская Р. Р. Английский язык: эволюция аналитизма. — М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. — С. 63, 78. (Вестник МГЛУ; вып. 19 (598). Сер. Языкознание)).

калькировать русские не подлежащно-сказуемые предложения (используемые во всех регистрах и стилях) пассивными и прочими обезличенными оборотами.

Приведем пример с позорно (особенно учитывая местонахождение в Вашингтоне) переведенного сайта агентства ILS, выполняющего функции визового агентства, сотрудничающего с Консульством Российской Федерации:

The documents submitted must meet the requirements established by legislation of the Russian Federation. The filing of false documents or forms with obviously unreliable data in the visa application is denied. The fee is charged to review the documents and, in case of refusal of a visa is not refundable¹⁴.

Хотя русской версии у сайта нет, за этим легко угадывается что-то вроде:

Предоставленные документы должны соответствовать требованиям, установленным законодательством Российской Федерации. Не принимаются поддельные документы или анкеты, содержащие заведомо недостоверную информацию. За обработку документов взимается плата, которая в случае отказа в визе не возвращается.

Безусловно, это официальный текст, но даже такой текст производил бы в переводе на английский менее суровое и казенное впечатление, если бы переводчик не калькировал лексико-грамматические структуры ИЯ, например:

The documents must meet all the requirements of Russian legislation. Counterfeited documents and forms containing evidently incorrect data will not be accepted. There is a non-refundable processing fee even if your visa application is denied.

Однако было бы совершенно несправедливо считать, что проблема канцелярита сводится только к буквализму и что, устранив второй, автоматически можно избавиться от первого. Приведем пример из студенческой курсовой работы:

¹⁴ <http://www.ils-usa.com/main.php?id=visa-requirements&lang=en>

Nine months after the blast, Gold, the go-between, confessed to the FBI.

Спустя девять месяцев после скандала, **который последовал за испытанием Советским Союзом ядерной бомбы**, Голд, **посредник между шпионами двух стран**, сознался во всем ФБР.

Короткое английское предложение, которое с учетом контекста вполне можно было бы перевести как «Спустя девять месяцев после ядерного испытания Голд, посредник, сознался ФБР», выросло в два с лишним раза. Причем переводчицу не смутило даже неловкое нанизывание творительных падежей («испытанием Союзом бомбы»), которое как признак канцелярита отмечал еще К.И. Чуковский. Очевидно, что в данном случае к канцелярскому языку подтолкнула не структура оригинала.

Еще одной причиной канцелярита в переводе мы бы назвали лень, а если научнее — стремление к экономии усилий. Во многих случаях канцеляритом оказывается писать легче, чем не канцеляритом. Исследователи неизбежно причисляют к чертам канцелярита (или официально-делового стиля) обилие штампов и повторов и однообразную лексику. Разумеется, штампами и бедным словарем оперировать проще, чем каждый раз искать мыслям неизбитую форму выражения.

Впрочем, одними повторами экономия не ограничивается. Абстрактная лексика (еще одна характерная примета канцелярита) удобнее тем, что у нее шире сочетаемость. «Наличие», «возникновение», «присутствие», «использование» — эти слова могут сочетаться практически с любыми понятиями. Если же выбирать слова менее казенные, придется задуматься о более специфических сочетаемостных вариантах и, возможно, перестраивать структуру предложения. Посмотрим, например, как может конкретизироваться глагол

«использовать» в зависимости от контекста:

использовать	технологию	взять на вооружение
использовать	данные	учесть
использовать	устройство (в часах)	поставить (в часы), оснастить (часы)
использовать	заклинание	прочесть
использовать	опыт	обратиться к
использовать	идею	ухватиться за
использовать	время	провести, потратить

Также рискнем предположить, что канцелярское строение предложения (подлежащее — сказуемое — дополнение), отсутствие пропущенных членов предложения, нанизывание обособленных оборотов и придаточных (вместо перестроения структуры или выбора варианта с несколькими предложениями) тоже легче, а поэтому соблазнительнее. Вот, к примеру, как многие студенты переводили одно предложение из учебного текста (изображается речь не очень разбирающегося в технике человека, который пытается наладить показ презентации):

“Just a second while I get this connection to work”

- Секундочку, сейчас я зайду в программу.
- Один момент, сейчас я разберусь здесь.
- Так, сейчас я подключу его.
- Секундочку, сейчас, я открою файл.
- Подождите, сейчас я заставлю это работать.
- Погодите, мне нужно еще кое-что подключить.
- Подождите минутку, пока все подключится.

Обращает на себя внимание тот факт, что во всех этих и похожих вариантах сохранена полная, «правильная» структура предложения с дополнением. При-

чем авторы первых четырех вариантов даже поставили дополнение в постпозицию по отношению к сказуемому, то есть в рему, что явно противоречит ситуации. При этом гораздо логичнее и стилистически удачнее были бы разговорные варианты с легкой неполнотой членов предложения, например: «Секундочку, сейчас заработает», «Секундочку, сейчас подключу», «Секунду, как тут включается?» и т.п.

Больше всего внимания мы уделим, однако, еще одной причине. Австралийский переводовед Э. Пим разрабатывает теорию перевода как процесса оценки и минимизации рисков:

Это значит, что, вместо того чтобы называть те или иные варианты перевода «правильными» или «неправильными» или находить в них проявления той или иной эквивалентности, я пытаюсь оценить величину риска, который они за собой влекут. А работа переводчика тогда превращается в процесс управления рисками¹⁵.

На наш взгляд, канцелярит может быть результатом бессознательного (или даже осознанного) стремления переводчика снизить риск для себя, а именно риск того, что читатель что-то в тексте перевода не поймет и ему (переводчику) будут предъявлены претензии.

Здесь уместно будет сделать отступление и пояснить нашу мысль. В самом деле, разве может быть канцелярит средством достижения чего-то хорошего? Ведь Нора Галь называла его мертвечиной, а Чуковский и вовсе жульническим жаргоном. Как переход на такой жаргон может снизить риск непонимания? Казалось бы, напротив.

Но не будем забывать, что мы определили канцелярит как стилистически неуместное использование средств официально-делового стиля в текстах иных стилей. Но средства официально-дело-

вого стиля в уместном для себя контексте отнюдь не плохи сами по себе. Вот как характеризуют этот стиль исследователи:

В качестве характерных отличий официально-делового стиля различные источники (Васильева; Виноградов; Головин; Кожина, 1983) в конечном счете выделяют различные качества. Следующие качества: точность, простота, ясность, объективность, абстрактность, обобщенность, информационная насыщенность, лаконичность, эмоциональная нейтральность, однозначность, безличность, логическая связность, использование терминологии, символов и графики, стандартизованность – проявляются в различной степени¹⁶.

И далее:

Вторая особенность предложений в деловых документах – насыщенность обособленными и необособленными, распространенными и нераспространенными второстепенными членами предложения. Связано это с желанием и необходимостью максимально снять неопределенности, однозначно очертить объекты и отношения, рассматриваемые в документах¹⁷.

Итак, мы видим, что официально-деловой стиль устроен таким образом, чтобы, помимо прочего, обеспечивать ясность и доходчивость, чтобы читатель понимал текст как можно правильное и чтобы как можно менее вероятными были бы неверные трактовки. Отсюда и скупость лексики, и штампы, и повторы, и многословие.

Одним из средств обеспечения ясности является избыточность. Само собой разумеется, что чем большее число раз информация продублирована, тем меньше риск, что она до получателя не дойдет или дойдет в искаженном виде. В 60-х годах прошлого века группа «Статистика речи» провела ряд экспериментов по определению степени избыточности раз-

¹⁵ А. Пым. Exploring Translation Theories. – Abingdon/New York: Routledge, 2010. – p. 165. Здесь и далее перевод цитат выполнен автором статьи.

¹⁶ Кушнерук С. П. Документная лингвистика (русский деловой текст): Учебное пособие. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1999. – С. 50.

¹⁷ Там же. С. 59.

личных типов текстов (впрочем, занимались этим вопросом и многие другие исследователи). В самом упрощенном виде их методику можно обрисовать так. Людям предлагалось последовательно угадывать буквы в словах незнакомого текста. При этом записывалось, сколько попыток понадобилось для угадывания той или иной буквы. Разумеется, буквы в начале слов угадывались только после нескольких попыток, зато многие буквы в конце слов угадывались с первой, поскольку начало слова и предыдущий контекст не оставляли сомнений в том, как слово закончится. Соответственно, чем быстрее в тексте угадываются буквы и чем больше в нем позиций с безошибочно определяемым вариантом заполнения, тем больше избыточность текста (поскольку все эти однозначно определяемые позиции никакой информативной нагрузки не несут):

По данным группы «Статистика речи», документы официально-делового стиля обладают наибольшей избыточностью и контекстной обусловленностью (Пиотровский, с. 75). В связи с этим можно сказать, что избыточность текста как коэффициент отношения объема текста к измеренному комбинаторным или вероятностным методом количеству информации (там же, с. 6) является не только следствием высокой лексической обусловленности единиц в деловых текстах, но и результатом синтаксической обусловленности: последующие синтаксические единицы в значительной мере обусловлены, предопределены предыдущими. Это явление связано и с устойчивым характером относительно большого числа синтаксических единиц, и с ограничением лексико-синтаксической номенклатуры характерных единиц стиля, включая модели построения предложений с их воспроизводимыми компонентами, и с нормированием, действием регламентирующих правил, отражающих тенденции к стандартизации и унификации. Последнее особенно заметно при сравнении со стилем художественной литературы: более слабые связи в художественном стиле определяются не только существенно более редким исполь-

зованием стилистических штампов, но и неожиданностью в синтаксических соединениях при создании метафор, сравнений, олицетворений и других средств стиля¹⁸.

На наш взгляд, вполне логично предположить, что избыточность, призванная в текстах официально-делового стиля повышать надежность передачи информации, появляется в переводах текстов других стилей из-за стремления переводчиков снизить риск и подчас приводит к канцеляриту.

Эту идею подтверждают и работы, посвященные переводческим универсалиям, а именно универсалии разъяснительности (*explicitation*), о которой, насколько мы можем судить, первой или одной из первых написала в 80-х годах Ш. Блюм-Кулька.

В. Папаи отмечает:

Разъяснительность как процесс – это техника перевода... заключающаяся в устранении двусмысленности, улучшении и повышении связности текста оригинала, а также в добавлении лингвистической и экстралингвистической информации. В основе разъяснительности лежит осознанное или неосознанное стремление переводчика не обмануть ожидания читателей перевода¹⁹.

А чуть выше эта венгерская исследовательница к качествам переводных текстов, выдающим большую степень разъяснительности, причисляет и более высокую степень избыточности²⁰. Таким образом, вполне логично предположить, что желание переводчика как можно надежнее донести информацию до получателя зачастую приводит к повышению в тексте перевода избыточности по сравнению с оригиналом, а уже в результате этого текст приобретает официально-деловой оттенок.

¹⁸ Там же. С. 60.

¹⁹ V. Pápai. *Explicitation: A universal of translated text? // Translation universals: Do they exist? / Ed. by A. Mauranen and P. KujamKki. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. – p. 145.*

²⁰ Там же. С. 144.

Теоретические основы

Сразу же оговоримся: наверное, избыточность бывает разных видов. Скорее всего, избыточность, определяемая экспериментом с угадыванием букв, выражена в первую очередь штампами, длинными словами, повторами, излишней полнотой синтаксических конструкций и т.п. Другая избыточность – это когда переводчик стремится эксплицировать имплицированное, добавить лишние слова, продублировать информацию (например, пишет «однако, впрочем», где достаточно просто «однако» или «всего лишь только», где достаточно «только»). Может быть, второй вариант избыточности и не ведет к предсказуемости текста так, как первый. Однако, на наш взгляд, по своей сути они схожи. Чем больше лишних слов, тем меньше «информационная нагрузка» каждого из них в отдельности и тем дальше текст смещается от «полюса художественности» к «полюсу документальности».

Приведем несколько примеров переводов, выполненных профессиональным переводчиком, но отличающихся чрезмерным стремлением к информативной полноте. В результате получается досадная избыточность, затрудняющая восприятие текста (то, что было бы хорошо в официально-деловом стиле, начинает мешать в публицистике). Лишние элементы выделены жирным шрифтом:

Time, we instinctively feel, is round – the gears and balance of a watch or clock lend themselves naturally to a circular shape...

Время идет по кругу – эта поговорка возникла неспроста: колеса и баланс часов (**как наручных, так и всех других**) традиционно имеют круглую форму...

Как известно, английское *watch* означает портативные часы (наручные и карманные), тогда как *clock* относится к часам бóльших размеров: настольным,

напольным, настенным и башенным. Для перевода такая дробность понятий иногда создает дополнительные трудности, но в данном случае их быть не должно, поскольку автор имеет в виду и те часы, и другие. Казалось бы, очевидно, что в данном случае по-русски будет достаточно написать просто «часы» и передать тем самым весь фактический смысл и вдобавок выиграть в компактности, однако переводчик пытается сохранить ту же дробность понятий, абсолютно в данном случае избыточную.

Edouard Heuer founded his watchmaking studio in 1860, and the company soon distinguished itself in the design of innovative stopwatches and chronographs. In the early 1900s, his son Charles-Auguste Heuer, president of the company, realized that scientists, manufacturers and sportsmen needed more precise measurements than those provided by the standard stopwatches of the day.

Свою собственную часовую мастерскую Эдуар Хойер основал с 1860 г., и уже вскоре она прославилась **разработкой и производством** новаторских секундометров и хронографов. В начале XX в. его сын, Шарль-Огюст Хойер, находившийся во главе фирмы, осознал, что у ученых, рабочих на производстве, а также спортсменов **была потребность** в куда более точном измерении времени, чем это **позволяли делать** обычные секундометры, **существовавшие в то время**.

Вместо комментария приведем в данном случае более компактный и менее избыточный вариант правки:

Свою собственную часовую мастерскую Эдуар Хойер основал в 1860 г., и уже вскоре она прославилась новаторскими секундомерами и хронографами. В начале XX в. его сын Шарль-Огюст Хойер, находившийся во главе фирмы, осознал, что ученым, инженерам, а также спортсменам требуются куда более точные измерители времени, чем обычные секундомеры той эпохи.

In principle, we have a very complete facility here. Everything is inhouse, so we can make a lot of things which are probably not easy to make in other companies. We also have a workshop in Satigny with more than a hundred different machines to make various parts, complicated parts.

Вообще, на нашей фабрике отличное техническое оснащение: все **компоненты** мы производим **собственными силами**, так что у нас гораздо больше возможностей, чем у многих других **компаний**. У нас **также** есть мастерская в Сатиньи, **оборудованная** более чем сотней **различных** станков для производства самых разнообразных деталей, в том числе и для сложных **часов**».

«Компоненты» ничего не добавляет к слову «всё» (тем более что в оригинале так и сказано); «собственными силами» — более длинный (а значит, и более избыточный²¹) способ сказать «сами»; «компаний» можно опустить, потому что ясно, что возможности одной компании сравниваются с возможностями других компаний (а не физических лиц, организаций, стран и т.д.); «также» — более длинный и книжный вариант «еще»; «различных» абсолютно избыточно, поскольку ясно, что более сотни станков для производства самых разнообразных деталей не могут быть одинаковыми; «часов» вполне можно опустить, потому что идею сложных часов уже передают «сложные детали» (тем более что в оригинале опять же «часов» нет). В результате перевод — с учетом того, что это прямая речь, — мог бы быть отредактирован так (при этом он сократится на 20%):

Вообще, на нашей фабрике отличное техническое оснащение: мы все произво-

²¹ В работе «Информационные измерения языка» (Пиотровский Р.Г. Информационные измерения языка. — Л.: Наука, 1968. — С. 97) упоминается, в том числе, что длинные слова более контекстуально обусловлены (а значит, более избыточны), чем короткие. Это и понятно: угадав в контексте первые две-четыре буквы длинного слова, человек безошибочно назовет цепочку остальных, а значит, никакой информационной ценности они не представляют.

дим сами, так что у нас, пожалуй, побольше возможностей, чем у многих других. Еще у нас есть мастерская в Сатиньи — там более сотни станков для производства самых разных деталей, в том числе самых сложных.

В. Папаи упоминала в качестве признака разъяснительности более высокую степень связности текста. Согласно М.А.К. Халлидею и Р. Хасану, одним из средств создания связности служат местоимения. Это отдельная тема, развивать которую в настоящей статье нет возможности, но, по нашим наблюдениям, число личных, притяжательных и указательных местоимений в переводах с английского языка на русский значительно выше, чем в оригинальных текстах. С одной стороны, это продиктовано структурой ИЯ, который не позволяет так свободно опускать местоимения, как русский язык. С другой — стремлением все к той же избыточной разъяснительности.

Студентка МГЛУ О.О. Туринова (в настоящий момент она работает над дипломным исследованием на эту тему) подсчитала количество разных типов местоимений в отрывке художественного текста, который она переводила в качестве курсовой работы, и его переводе (первоначальном и отредактированном по результатам беседы с научным руководителем). Статистика такова: (длина фрагмента — ок. 10 000 знаков с пробелами):

Тип местоимений	Оригинал	Перевод	2-я редакция
Личные	297	169	142
Притяжательные	74	31	25
Указательные	20	19	16

Подчеркнем, что это пока отнюдь не полноценное исследование, но небезынтересный подсчет, подкрепляющий наши наблюдения, сделанные в ходе переводческой и редакторской практики.

Заключение

Бесспорно, что с канцеляритом надо бороться. Чем он плох, К.И. Чуковский и Нора Галь сформулировали так страстно, что добавить к этому нечего. Но, чтобы отвыкнуть от канцелярита, мало, на наш взгляд, просто стараться «не писать по-канцелярски». Сформулируем несколько принципов и рекомендаций, вытекающих из причин канцелярита, которые мы рассмотрели выше.

Как ни банально, но, во-первых, переводчику необходимо постоянно развивать свое языковое чутье. Его чувство языка должна формировать и углублять по возможности хорошая литература, а не косноязычный жаргон чиновников или гламурно-офисный пиджин журналистов. Одновременно с этим переводчик должен вырабатывать в себе чувство собственного достоинства и уверенности в себе (речь не идет о самоуверенности). Ведь канцелярит — это зачастую следствие того, что неуверенный в своих языковых возможностях человек пытается подражать речи какой-то более престижной, могучей группы. Иногда, чтобы говорить просто, нужно больше ответственности и мужества, чем чтобы громоздить наукообразные или бюрократические периоды.

Во-вторых, переводчику нужно владеть общей теорией перевода. А именно — в данном случае — знать основные признаки канцелярита и причины его появления, а также быть знакомым с концепцией переводческого процесса как минимизации риска. Переводчик должен понимать, что в силу специфики своей работы он обязан брать на себя ответственность (и в каком-то смысле идти на риск) и что прятаться от ответственности за кальками с ИЯ и штампами ПЯ недопустимо. Снижать риск надо иным способом — принимать взвешенные, теоретически обоснованные переводческие решения и уметь при необходимости доказывать их правомерность.

В-третьих, нужно знание частной теории перевода, а именно асимметричных явлений в конкретной паре языков.

Так, переводчик с английского на русский должен почти автоматически передавать в некоторых случаях подчинение сочинением, переделывать подлежащие в обстоятельства, подлежащно-сказуемые предложения — в не подлежащно-сказуемые, опускать местоимения, передавать модальные глаголы модальными словами и выражениями и т.п. (разумеется, все это не догмы, мы намеренно даем эти рекомендации в упрощенном виде).

Наконец, стоит держать в голове некоторые специфические черты канцелярита и стараться их избегать. Разумеется, это относится к словам и выражениям официально-делового стиля, штампам, нанизыванию родительных и творительных падежей и т.п. Выше мы говорили про статику канцелярита, вытеснение личных форм глагола — таким образом, чтобы избежать бюрократических ноток, переводчику стоит чаще делать выбор в пользу динамичных глагольных конструкций.

Основополагающим признаком официально-делового стиля является информационная избыточность, поэтому в качестве профилактики канцелярита переводчик должен стремиться к лаконичности перевода. По данным ВЦП, английский текст в переводе на русский возрастает в 1,2 раза (т.е. на 20%)²². Может быть, это справедливо для научно-технической литературы, но в той сфере публицистического перевода, которой мы сейчас в основном занимаемся, объем перевода по сравнению с оригиналом практически не увеличивается. Если же на редактуру попадает перевод, превышающий по объему оригинал на 20%, можно быть почти уверенным в том, что там будет либо канцелярит, либо отсебятина.

Вообще, хотелось бы особо подчеркнуть в неспециальном переводе значение лаконичности и импликации. Оче-

²² Смирнов И.П. Методические рекомендации для переводчиков и редакторов научно-технической литературы. — М.: Всесоюзный центр переводов научно-технической литературы и документации, 1988. — С. 51.

видно, что переводчику зачастую приходится прибегать к экспликации там, где этого требуют расхождения в системах ИЯ и ПЯ. Всем прекрасно знаком прием объяснительного перевода при передаче реалий, безэквивалентной лексики, терминологии и т.п. Помимо этого, в любом языке есть множество емких лаконичных выражений, которые в переводе даже без экспликации могут быть переданы только более длинными вариантами. Именно поэтому переводчик должен уравнивать эту тенденцию употреблением более лаконичных и имплицитных средств ПЯ в других местах, где это возможно. Конечно, слова английского языка в целом короче, чем слова русского, зато английский обычно требует более полных синтаксических конструкций. Так что «привесок» лишних слогов зачастую можно отыграть опущением избыточных слов.

Не только по художественному тексту, но и по переводу можно немало узнать об уме, кругозоре, образе мыслей и характере его автора. Разумеется, в оригинальном произведении человек проявляется ярче, чем во вторичном, т.е. переводе, где главное лицо — автор оригинала. Но, особенно если читать и редактировать большое количество переводов, выполненных одними и теми же людьми, со временем все равно начинаешь подмечать те или иные черты (вряд ли уловимые для поверхностного читателя), которые выдают натуру того или иного переводчика.

Иногда такое легкое вмешательство почти незаметно. Буквально на днях я поймал себя на том, что перевел фразу “Most people select our Venezia leather because this is the only material with which we can create our signature patina, which has been compared to the paintings of Mark Rothko in terms of the subtlety and complexity of complementary hues” как «Большинство заказчиков выбирают венецианскую кожу: это единственный материал, на котором можно создать нашу фирменную патину (по количеству и сложности оттенков ее даже сравни-

вают с картинами Марка Ротко)». В переводе появилось слово «даже», которого не было в оригинале: сказалось внутреннее удивление и недоумение, вызванное сравнением обуви с картинами.

Канцелярит тоже проявляет себя подчас исподволь, невинно. В переводе одной и той же статьи переводчик пишет:

- ... которые со временем становятся лишь **только** красивее...;
- ... **сейчас** уже никого не привлекают...;
- Подобные сериалы **или же сериалы** вроде «Подпольной империи»...;
- ...фирма... представила **новую** линейку специально состаренных ботинок...;
- Показы коллекций... **также** выявили еще одну любопытную тенденцию...
- ... но **тем не менее** они полностью отвечают потребностям современного покупателя.

Выделенные слова и выражения абсолютно избыточны: если их опустить, смысл нисколько не пострадает. За подобными случаями стоит излишнее волнение, зажатость, боязнь ненароком что-то невыразить, стремление, фигурально выражаясь, не просто вложить информацию читателю в рот, но и прожевать за него. Конечно, по отдельности выделенные слова и выражения канцелярскими не назовешь, но в сочетании с действительно канцелярской лексикой, штампами, сложным синтаксисом и т.д. эти ненужные, лишённые информативности слова подкрепляют впечатление официально-делового текста.

Впрочем, это еще далеко не худший случай. Чаше канцелярит рисует переводчика как человека глухого к родному языку, с узким кругозором, безответственно относящегося к своему слову, ленивого и готового копировать худшие образцы, а также не вдумывающегося в текст, который он переводит (отсюда тяга к абстрактной лексике и шаблонным синтаксическим структурам). Это очень невыгодное впечатление, и не стоит его производить.